

«Князь Иван Калита»

Исторический час с Дмитрием Володихиным на Радио «Вера» (17.06.2018)

Гость программы: доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ, Заслуженный профессор МГУ Николай Сергеевич Борисов.

Тема беседы: личность князя Ивана Калиты, и его роль в истории Руси.

Д. Володихин

— Здравствуйте, дорогие радиослушатели! Это светлое радио — радио «Вера». В эфире передача «Исторический час». С вами в студии я — Дмитрий Володихин. Сегодня мы с вами будем обсуждать одну из титанических фигур Русского Средневековья, человека, именем которого называли впоследствии боевые корабли, человека, которому непременно посвящены параграф или несколько в учебниках для средней школы, или тем более для вуза — по истории Отечества. Это человек, который остался, что называется, притчей во языцех в нашей истории. Это великий князь Московский и Владимирский Иван Калита, четырнадцатое столетие. И сегодня, чтобы поговорить об Иване Калите с пониманием дела, к нам в студию мы пригласили Николая Сергеевича Борисова — доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории России до начала девятнадцатого века исторического факультета МГУ. Здравствуйте, Николай Сергеевич!

Н. Борисов

— Добрый день!

Д. Володихин

— Вот, собственно, первый мой вопрос, традиционный в тех случаях, когда мы обсуждаем какую-то личность: не могли бы вы в нескольких словах очертить личность Ивана Калиты в самых её выдающихся проявлениях? Так, чтобы эти фразы в минимуме объёма передавали максимум сущности этого человека.

Н. Борисов

— Конечно, это очень сложная задача — в нескольких словах передать сущность сложного исторического деятеля. Но если говорить всё-таки предельно кратко, то я согласился бы с той формулой, которая проходит во всех наших учебниках. Традиционно эта формула звучит так: Иван Калита — основатель могущества Московского княжества, основатель могущества Москвы. Вот в этом суть его исторических действий. Ну а как человек он чрезвычайно противоречивый: чёрного, белого много было в нём, но в целом это был созидатель — человек, который строил Московское княжество, строил единую Русь. И в этом отношении мы с благодарностью можем его вспомнить.

Д. Володихин

— Насколько я помню, его отец, Даниил Московский, уже, в общем-то, сумел выстроить державу на месте относительно незначительного удела — маленькой Москвы, с маленьким земельным владением, её окружавшим. До какой степени мы можем говорить, что сын, Ивана Калита, превзошёл отца?

Н. Борисов

— Это сложный вопрос, в том плане, что мы не всегда точно знаем, когда та или иная территория была присоединена к Москве. Мы можем только догадываться, что это было примерно тогда-то или примерно тогда-то. Но так или иначе Иван Калита был прямым продолжателем дела своего отца — князя Даниила Александровича Московского. Даниил присоединил к Москве Переславль, Коломну, Можайск. Иван Калита продолжил вот это собирание русской земли: он присоединил к Москве Углич, Галич, Белоозеро — так называемые купли Ивана Калиты. То есть это была одна традиция, одна линия. И не случайно уже ближайшие наследники уважительно называли Калиту «собиратель земли Русской». Уже в документах времён Дмитрия Донского о нём вот такая великолепная формула: собиратель земли Русской — Иван Данилович Калита.

Д. Володихин

— Сам он про себя вряд ли так думал, ведь для него собирание земель было в сущности не столько объединение Северо-Восточной Руси, сколько расширение владений Москвы. Или есть основания полагать, что в будущем Калита планировал действительно создание мощной державы на основе всей Северо-Восточной Руси, во главе которой стоит Москва? — то, что его отдалённые потомки осуществят в действительности. Был ли у него такой замысел, или он, скорее, был просто достаточно разумным политиком, расчётливым стратегом, который усиливал свою землю и не думал о большем?

Н. Борисов

— Насколько я знаю Ивана Калиту, насколько я мог восстановить для себя этот образ по летописям, по документам той эпохи, это был человек, который обладал тем, что мы бы назвали стратегическим мышлением, то есть человек, который, конечно, решал конкретные политические задачи, но при этом он всегда имел некую стратегическую цель, некий замысел, мечту о будущем. А будущее его состояло в том, чтобы Московское княжество превратилось в единое Русское государство. Единое Русское государство могло обеспечить стране независимость, могло обеспечить стране процветание. Поэтому вот это стратегическое направление было задано московской политике именно Иваном Калитой. И здесь, конечно, огромное значение имело принадлежность великого княжения Владимирского. Мы должны помнить, что существовала такая особая структура, которая переходила от одной княжеской линии к другой: Великое княжение Владимирское. И вот при Иване Калите Великое княжение Владимирское — это и территория, это и экономический большой потенциал — это уже практически навсегда перешло к московским князьям.

Д. Володихин

— А значит, и формальное старшинство.

Н. Борисов

— Совершенно верно! А значит, и формальное старшинство среди княжеского, так сказать, семейства, среди потомков Всеволода Большое Гнездо. И потом московские князья,

за редким небольшим исключением, не теряли уже вот это Великое княжение Владимирское и на него нанизывали всё новые и новые приобретения. То есть как бы структура была создана Иваном Калитой, и дальше уже развитие этой структуры создаёт могущественное Московское княжество, а затем и единое Русское государство — уже при Иване Третьем.

Д. Володихин

— Ну что ж, значит, мы можем по-прежнему считать, хотя это порой оспаривается, но, видимо, традиционная точка зрения достаточно часто оказывается правильной, как и в этом случае; так вот, мы можем по-прежнему считать, что корни огромной России, единого независимого государства, возникшего в конце пятнадцатого, начале шестнадцатого века, действительно уходят во времена Ивана Калиты, в четырнадцатый век. Во времена, когда в Москве только-только появлялись первые скромные каменные строения, и когда она ещё не была владычицей всей России, а просто крепким городом, столицей крепкого княжества. Ну что ж, тогда давайте перейдём к корням не Московской державы, а самого Ивана Калиты. Если память мне не изменяет, Иван Калита не мог претендовать по рождению своему на то, что он когда-либо возглавит не то что общую Северо-Восточную Русь, а и хотя бы Московскую землю. В семье многодетного Даниила Московского он занимал довольно скромное положение.

Н. Борисов

— Да, конечно. У Даниила Александровича было пять сыновей. И по порядку старшинства Иван Данилович, Иван Калита, был четвёртым, так что ему здесь, так сказать, мало что улыбалось в перспективе. Но дальше судьба или Промысл, как, конечно, думал Иван Данилович, распорядились таким образом, что три старших брата не оставили прямого потомства. Они погибли при разных обстоятельствах, но так или иначе судьба вынесла на первую роль именно четвёртого — Ивана Даниловича. Конечно, такие вещи воспринимались тогда как знак того, что Господь отметил этого человека, и сам человек сознавал себя Божьим избранником: что Господь не даром расчищает ему путь — Господь от него ждёт каких-то великих дел, предназначил его для какой-то особой миссии. И вот Иван Данилович был, конечно, человеком очень религиозным, человеком, который строил церкви, который очень много делал для помощи бедным, нищим. Недаром ведь вот это имя — Иван Калита. Это ведь чёрный миф, существует такой большой, старый чёрный миф о том, что Калита — это символ жадности, что он носил эту калиту для того, чтобы собирать в неё деньги.

Д. Володихин

— Калиту — то есть кошелёк.

Н. Борисов

— Да, кошелёк. Но на самом-то деле источники уже пятнадцатого века — Волоколамский патерик — говорят о том, что он носил на себе эту сумочку, этот кошелёк для того, чтобы раздавать нищим деньги. Он был нищелюбив — а это одна из главных добродетелей правителя в Средние века. Он был нищелюбив, поэтому его прозвали Иван «Калита». Вот смысл этого прозвища, которое мы, я повторяю, понимаем неправильно: как «жадный», «скупой», какой-то такой вот паук, понимаете, сидит, который у всех старается что-то высосать — ничего подобного! В одной из новгородских летописей мне попалось прозвище Ивана Калиты другое, которое раскрывает, однако, смысл первого: летописец называет

его Иван Добрый. И вот в этом, мне кажется, смысл Калиты — что он щедрый, добрый, он из этой калиты раздавал эту мелкую денежную помощь нищим. И это прозвище, которым можно гордиться, а не которого надо стыдиться.

Д. Володихин

— Ну что ж, он прошёл очень суровую школу, прежде чем пришёл к тому, о чём вы говорите. И довольно долго жил в тени старшего брата Юрия Даниловича, который после смерти отца унаследовал Москву со всеми прилегающими землями и должен был выдержать очень тяжёлую борьбу с соседями — с гораздо более могущественной на тот момент Тверью. Вот вечный второй — человек, который на протяжении полутора десятилетий был тенью брата, его верным слугой, должен был в этой ситуации чему-то научиться. В чём состояла его школа? Насколько я помню, Юрий Данилович скончается только в 1318 году, вернее, даже не скончается, а будет убит.

Н. Борисов

— Позже даже — в 1325 году.

Д. Володихин

— Да, в 1325 году. Прошу прощения! И в общем скончается при скверных обстоятельствах: он будет убит. До этого очень долго будет продолжаться эта борьба с Тверью. Что за роль играл Иван Данилович, младший брат, в эпоху, когда старший должен был все силы напрягать, чтобы удержать свою землю и, может быть, даже зацепиться как-то и за Владимирское Великое княжение?

Н. Борисов

— Да, вы знаете, это очень интересная историческая тема — отношения между Юрием Московским, который правил Москвой, начиная с 1303-го, и по 1325 год, и его младшим братом Иваном Даниловичем, который правил в Москве, напомним, с 1325-го по 1340 год. Так вот, их отношения: отношения, конечно, сложные, в том плане, что и тот и другой были выдающимися личностями, но они сумели разделить задачи, стоявшие перед Москвой. То есть Юрий Данилович в основном занимался внешними проблемами: борьбой с внешними врагами Москвы, с той же Тверью, борьбой с Новгородом, когда это нужно было. А Иван Данилович, в это время находясь в Москве, он, так сказать, держал город: он держал Москву, он укреплял, развивал её. И таким образом они как бы дополняли друг друга. Вот внешняя политика, как мы бы сейчас сказали, Москвы — это был Юрий Данилович, а внутренняя политика — это был Иван Калита. И вместе они очень здорово двигали Москву. Но к этому я бы ещё добавил, что, конечно, когда после кончины Юрия Даниловича, убитого в Орде одним из тверских князей, после кончины Юрия Даниловича, Иван Калита получает всю полноту власти. И вот эти 15 лет его правления — с 1325-го по 1340 год — показывают его выдающимся политиком. Это человек, который прекрасно умел ставить и решать и практические задачи, и теоретические. Политика это ведь искусство — это банальная истина, «искусство возможного» говорят, но так или иначе политика — это искусство. И вот Иван Калита был мастером этого искусства. И я думаю, что политики нового времени и наши русские политики могли бы у него многому научиться. Почему? Прежде всего потому, что Иван Калита умел ставить такие политические, военно-политические задачи, которые Москва могла решить. Но он не ставил невыполнимых задач, он не ставил таких задач, которые бы только подрывали силы Москвы,

но ничего бы не давали. Он умел выделять главное и решать главное. Так что это был великолепный мастер политической игры, и в этом смысле, конечно, есть чему поучиться.

Д. Володихин

— Ну что ж, хорошо, что Бог наделял его таким даром, и под воспоминания о его драгоценных способностях мне легче будет напомнить вам, дорогие радиослушатели, что это светлое радио — радио «Вера». В эфире передача «Исторический час», с вами в студии я — Дмитрий Володихин. И мы обсуждаем биографию одного из крупнейших политических деятелей Русского Средневековья Ивана Калиты вместе с доктором исторических наук Николаем Сергеевичем Борисовым. Ну что ж, вот, собственно, закат этой борьбы с Тверью, когда Москва начала одолевать, когда убит был в Орде Михаил Тверской, и когда Великое княжение Владимирское перешло к старшему брату Юрию. Но ведь в какой-то момент там была достаточно сложная ситуация, когда и Великое княжение потеряно, и Юрий находится где-то в Новгороде, и фактически Москва, при живом князе Юрии, переходит к Ивану Даниловичу. Хочется спросить в этой сложной ситуации: был конфликт, была ли ссора между братьями? Юрий Данилович играл рискованно, играл, может быть, где-то авантюрно, где-то просто должен был отбиваться, принимая сложные решения в сложных обстоятельствах. Но вот брат, который вечно был его помощником, стоял за его спиной, в какой-то момент оказался выдвинутым вперёд, и при живом брате — его ещё пока не убили, — насколько я помню, именно Калита правил Москвой, а Юрий Данилович скитался по дальним пределам Руси.

Н. Борисов

— Тут надо, конечно, обратиться прежде всего к источникам. Источники, наши летописи, не дают никаких оснований думать, что Иван Данилович, как бы сказать, подсиживал брата или как-то конфликтовал с братом. Никаких сведений нет о том, что они конфликтовали, наоборот, сведения показывают, что они работали таким тандемом, то есть Юрий Данилович старался решить проблемы внешние, Иван Калита решал проблемы внутренние. Можно, конечно, строить всякие схемы и предполагать, что вот тот сделал так, а тот сделал эдак, но источники, я повторяю, не дают оснований для того, чтобы видеть здесь какую-то вражду. Наоборот, источники позволяют видеть здесь удивительно эффективный тандем. Так же, как, например, Ольгерд и Кейстут в истории Литвы — вот два брата, которые работали, так сказать, вместе. Так же, как, например, позднее сыновья Ивана Даниловича: Семён Гордый, Иван Красный, Андрей Серпуховской — они практически не ссорились. Трения были, но, в общем-то, это была такая дружная команда, и в этом была сила Москвы, и в этом одна из причин политических успехов Москвы: что московский княжеский дом отличался монолитностью такой, единством — не было такой лютой вражды, как у тверских князей.

Д. Володихин

— Или у рязанских.

Н. Борисов

— Или у рязанских, совершенно верно, или у нижегородских — там кругом вражда.

Д. Володихин

— То есть бывали трения, но они редко имели губительные последствия.

Н. Борисов

— Да, они почти никогда не имели последствий в виде какой-то войны кровопролитной. И вот это вот секрет московского княжеского дома. Если мы поставим так вопрос: в чём секрет успеха Москвы? Два ответа мы точно можем дать, что первый успех — это был мир между собой; вторая причина успеха — это был мир с Ордой. Московские князья, и здесь в первую очередь, конечно, Иван Данилович, они наладили оптимальные для того времени отношения с Ордой, то есть старались ни в чём не раздражать хана, решать свои задачи только мирным путём. Иван Калита семь раз ездил в Орду — это же тяжелейшие поездки были: другой климат, другая пища, всё другое, часто князья просто умирали там, в Орде. Иван Данилович, насколько мы знаем, семь раз туда ездил, но результатом вот такого, может быть, низкопоклонства даже по отношению к Орде, была тишина, как тогда говорили. И вот в летописи есть такая фраза замечательная под 1328 годом, когда получил он Великое княжение Владимирское, летописец говорит: «И бысть оттоле тишина великая в Русской земле. И престаша поганые воевати русскую землю. И опочиша православные от томления бисерменского». Вот эта вот тишина — это мирные годы, они позволили стране немножко подняться, немножко собраться с силами. И потом, как Василий Осипович Ключевский это очень хорошо показал в своей известной речи, посвящённой памяти преподобного Сергия, вот он говорит, что московские князья собрались с силами, и к середине четырнадцатого века, благодаря этой тишине, они уже почувствовали готовность к борьбе. Это очень интересный процесс, и вот Иван Калита в центре этих процессов.

Д. Володихин

— Вот вы назвали дату: 1328 год — переход прав на Великое княжение Владимирское к Ивану Калите. Но я хотел бы сейчас назвать и другую дату. Собственно, в этом году мы отмечаем 700 лет событию, которое, может быть, не так хорошо известно нашим современникам, но которое когда-то поразило умы современников Ивана Калиты: 1318 год — это не только гибель в Орде Михаила Тверского, это ещё и момент перехода Великого княжения Владимирского впервые к Москве. Добился этого старший брат Ивана Калиты Юрий, добился с помощью своего младшего брата. И вот с этого момента Москва имеет законное право быть владычицей Руси, и с этого момента начинается её господство во Владимире. 700 лет — в общем, круглая дата, предлог для того, чтобы выпустить какую-нибудь очередную юбилейную монету или созвать конференцию. Для Северо-Восточной Руси это было, пожалуй, потрясение: Москва, более слабая, чем многие другие города, не столь богатая, добилась этого. Но, насколько помню, удержала всего года на три-четыре Великое княжение, потом его утратила, и лишь впоследствии Иван Калита его вернул. Что там происходило?

Н. Борисов

— Тут мы выходим на ещё один такой интереснейший исторический вопрос отношений Москвы и Твери, и вообще роль Твери в истории четырнадцатого века, в создании единого Русского государства. Дело в том, что, конечно, Москва с Тверью враждовала — это неизбежно. Это были два ведущих княжества, которые боролись за территорию, боролись за Великое княжение Владимирское. И борьба эта была очень жестокой. Например, знаменитое тверское восстание 1327 года — это пример того, какая жестокая шла борьба. Но я бы сказал так, что москвичи оказались сильнее не столько в военном отношении, сколько в дипломатическом отношении — Москва переиграла, так сказать, Тверь. Тверские князья были необычайно храбрые, мужественные люди, они первыми начали открытую вооружённую борьбу против Орды: Бортневская битва 1317 года. Но тверские кня-

зья, при всех их достоинствах, они вызывают уважение как мужественные люди, как такие свободолюбивые, но они не понимали пределов возможного. Они играли на опережение, то есть такую игру которую мог себе позволить только Дмитрий Донской 50 лет спустя, даже больше, чем 50 лет.

Д. Володихин

— С совершенно другими ресурсами.

Н. Борисов

— Да. Они подняли знамя борьбы против Орды, когда ещё эта борьба не была обеспечена военными и материальными ресурсами. И в этом отношении, конечно, Москва была, я бы сказал, умнее, политика Москвы была более дальновидной.

Д. Володихин

— И насколько я помню, Юрий Данилович, года за три до своей гибели в Орде именно от клинка тверского князя, потерял Великое княжение. И когда он скончался, оно не сразу перешло к Ивану Даниловичу. Года три Орда, сея рознь между русскими князьями, старательно выгадывала: вот всё-таки Твери, Москве или вообще подвесить это, так сказать, сделать это вопросом торга определённого. В 1328 году Иван Калита обретает Великое княжение, с этого момента он, как старший брат, не только Московский князь, но и великий князь Владимирский: получает все доходы с Великого княжения и как старший собирает налоги в пользу Орды. Но вот важный момент: несмотря на то, что вроде бы он себя обезопасил в политическом отношении, но ведь именно к этому времени относятся строительство дубового Кремля, то есть твердыни, которая должна была защищать Москву. Вот как это произошло и почему, чем руководствовался Иван Калита, желая построить эту огромную крепость? Опасался нового нападения со стороны Твери? Ведь там бывали действительно нападения, даже осады Москвы тверичами.

Н. Борисов

— Здесь я два слова ещё бы добавил относительно вот этих тверских отношений. После тверского восстания 1327 года хан, конечно, отправил карательную экспедицию, потому что в Твери был перебит ханский отряд — такие вещи Орда не прощала. Была направлена на Русь карательная экспедиция: пять туменов — говорит летопись, то есть 50 тысяч всадников, может быть, преувеличение, но большая, конечно, карательная экспедиция. И хан потребовал от всех русских князей принять участие в этом карательном походе на Тверь, потому что Тверь подняла восстание, тверские князья виноваты, всё, надо их примерно наказать. И Иван Данилович тоже участвовал, он получил тоже распоряжение хана, что нужно со всеми вместе — с татарами и с русскими князьями — идти покорить Тверь. И он пошёл, и он участвовал в этой кровавой расправе с Тверским княжеством. Это вот такое чёрное пятно на его исторической репутации. Безусловно, тут гордиться нечем, но единственное, что можно сделать, это всё-таки понять его положение. А положение его состояло в том, что если бы он отказался идти на Тверь, то Москва подверглась бы такому же погрому, как и Тверь, потому что хан не прощал прекословие. Поэтому Иван Данилович спасал прежде всего своё княжество, он провёл эту карательную экспедицию в стороне от московской территории, по Волге — они прошли такой дугой. И это показывает, что невозможно было в то время делать всё только, так сказать, позитивное. Политика — это вообще, как известно, искусство возможного. Но вот этот поход на Тверь — да, это тёмная страница в истории Калиты.

Д. Володихин

— Ну что ж, я думаю, что мы продолжим разговор о Кремле, о твердыне, которая выросла в Москве как раз в это беспокойное время трудами Ивана Калиты. А сейчас, я думаю, будет правильным, если в эфире прозвучит фрагмент из симфонической картины «Кремль», созданной Александром Константиновичем Глазуновым.

(Звучит музыка.)

Д. Володихин

— Дорогие радиослушатели, это светлое радио — радио «Вера». В эфире передача «Исторический час», с вами в студии я — Дмитрий Володихин. И мы с замечательным историком, доктором исторических наук Николаем Сергеевичем Борисовым обсуждаем судьбу и, наверное, можно так выразиться, политическое творчество одного из крупнейших государственных деятелей Средневековой Руси Ивана Калиты. Возвращаясь к истории со строительством московского оплота, более крупного по размерам, чем прежний, относительно скромный, Кремль, и более мощного укрепленного пункта из дубовых брёвен. Иван Калита решил выстроить эту крепость, наполненную воспоминаниями о том страшном разгроме Твери, чему он был свидетелем, или, может быть, опасаясь мести Твери? Какая угроза заставляла его этот оплот, эту мощную крепость в середине Москвы построить?

Н. Борисов

— Действительно, московский Кремль — это тоже во многом такой памятник Ивану Калите. Кремль, который существует сейчас, конечно, построен позже — в конце пятнадцатого, начале шестнадцатого века. Но тем не менее Кремль хранит память и об Иване Калите, потому что он зимой с 1339-го на 1340-й год выстроил в Москве новый деревянный Кремль. Старый был обветшавший, старый, построенный чуть ли не Юрием Долгоруким, уже никуда не годился. И вот, собрав необходимый ресурс, собрав необходимых строителей, Иван Данилович произвёл такую огромную по тем временам постройку — новый дубовый Кремль в Москве. Почему именно в это время? Дело в том, что в это время резко усиливается Великое княжество Литовское. Великое княжество Литовское начинает активную такую наступательную политику на русские княжества, на русские земли. Литовцы боролись не только против Руси, но и против Орды. Хан Узбек решает использовать для борьбы против Литвы московские вооружённые силы, потенциал московских князей. Короче говоря, начинается борьба Москвы и Литвы. И вот на этом направлении, собственно говоря, был построен московский Кремль. Воевать против Орды Иван Калита не собирался, он понимал, что никакой деревянный Кремль не выдержит нападения ордынцев, тут нужны совершенно другие масштабы, а вот для борьбы с Литвой этот новый Кремль был мощной крепостью, и он служил практически до постройки каменного Кремля Дмитрием Донским — не очень долго, правда, но это уже другая история про то, как Дмитрию Ивановичу удалось выстроить в Москве каменный Кремль. Так что Кремль как стены — это Калита. Но в то же время тут есть ещё и вопрос интересный о том, чем Калита наполнил этот свой Кремль, какими храмами, какими постройками — это очень интересная тема.

Д. Володихин

— Я хотел вернуться к тому, что вы назвали князя Ивана Даниловича человеком большой веры, человеком, скажем так, крепко православным. Соответственно, строительство хра-

мов таким образом укладывается в его мировидение. Но вот здесь такой вопрос, который не даёт покоя уже несколько десятилетий историкам древнейшей Москвы: а когда вообще появились каменные храмы в Москве? Тут ведь споры идут: при Иване Даниловиче или раньше, при его отце, при Юрии. Даже, по-моему, высказывалась такая, на мой взгляд, фантастическая идея, что первый храм мог вообще выстроить Михаил Хоробрит — очень давний, ещё в тринадцатом веке, и недолгий господин Москвы. Вот к чему вы склоняетесь, к какой из версий?

Н. Борисов

— Я думаю, что всё-таки наиболее такая респектабельная версия состоит в том, что деревянные храмы в московском Кремле существовали, конечно, ещё с начала его основания, то есть со времён Юрия Долгорукого, но каменные храмы возникли только при Иване Калите. И первый каменный храм, построенный в 1326 году, в честь Успения Божией Матери — это вот начало каменного строительства в московском Кремле — Успенский собор, который, конечно, не тот, что сейчас, а такой маленький, тесный. Но потом Иван Третий заменил его на существующий ныне. Вообще, вот это вот строительство храмовое во времена Калиты оно было очень тесно связано с политическими задачами. Калита понимал, что, по крайней мере в те времена, религия и политика очень тесно переплетаются. И любая серьёзная политика, крупные проекты, так сказать, должны быть наполнены каким-то особым религиозным смыслом, особым православным настроением. Так вот, его проект состоял в том, чтобы сделать Москву центром пребывания митрополита — главы Русской Церкви. В это время как раз митрополит уехал из Киева и присматривал себе какую-то новую точку опоры.

Д. Володихин

— Владимир не годился?

Н. Борисов

— Да, Владимир не годился, потому что он был почти весь разорён, всё время туда нападали татары, население оттуда разбежалось. В общем, он как-то очень бледно в это время выглядит.

Д. Володихин

— Остались старые величественные стены, но город уже здорово утратил свою мощь и своё величие в целом.

Н. Борисов

— Да, совершенно верно, Владимир утратил свою мощь, он сохранил только ореол какой-то вот такого древнего центра, но всё равно как резиденция митрополита Владимир уже не годился. И вот митрополит Пётр обращает внимание на Москву. Митрополит Пётр переехал на Северо-Восток, мы точно не знаем, как это всё происходило в подробностях, но мы знаем результат, что митрополит Пётр свою резиденцию в конечном счёте устроил в Москве. Разумеется, здесь был вопрос: а как выглядит, собственно говоря, Москва? Ведь резиденция митрополита должна быть украшена многими храмами, это должна быть религиозная столица Руси. А Москва в этом вопросе как-то немножко отставала. И вот, вероятно, была какая-то определённая договорённость между Иваном Калитой и митрополитом Петром о том, что Калита украшает Москву каменными храмами, кото-

рые действительно респектабельно выглядели, а митрополит перебирается в Москву на постоянное жительство. И вот такой грандиозный по тем временам проект — украшение Кремля пятью каменными храмами — был осуществлён Иваном Калитой в удивительно короткие сроки: в течение 6 лет, примерно. То есть каменный храм Успения был построен в 1326 году, и дальше они растут, как грибы после дождя, эти храмы: церковь Иоанна Лествичника, собор Спасского монастыря, маленький храм, пристроенный к Успенскому собору, в честь апостола Петра, наконец храм в честь Михаила Архангела — пять каменных храмов. Пять каменных храмов в то время, когда и один каменный храм был событием.

Д. Володихин

— Очень дорогостоящее строительство.

Н. Борисов

— Да. И Иван Калита сильно рисковал, потому что он вкладывал в это строительство свои сбережения, свои деньги. А в то время показывать, что у тебя есть деньги было очень опасно, потому что первым делом Орда заинтересуется: откуда у тебя эти деньги? — ты, видимо, не доплачиваешь, обманываешь. Тут же пойдут, конечно, доносы, пойдут всякие кляузы. Но Иван Данилович рисковал и риск оправдался, то есть он построил эти храмы, Москва, так сказать, расцвела, Кремль московский расцвёл этими белокаменными соборами. И митрополит Пётр переехал в Москву, Калита построил для него дворец, всё — Москва стала религиозным центром русского государства. Так что это был его великий политический и религиозный одновременно успех. И вот соединение политики и религии в этой истории возникновения московского Кремля очень хорошо показано.

Д. Володихин

— Насколько я помню, митрополит Пётр скончался, так и не увидев осуществление этой грандиозной, монументальной программы, он был похоронен под сводами ещё не завершённого Успенского собора в центре Кремля.

Н. Борисов

— Да, и при этом житие митрополита Петра говорит о том, что он оставил Ивану Калите некую сумму денег, которая принадлежала лично ему, митрополиту. Оставил часть своей казны, во всяком случае, какие-то деньги для достройки Успенского собора, потому что собор, когда умирал Пётр, был ещё не завершён. То есть митрополит Пётр не просто переехал куда попало, но он сам помогал Ивану Даниловичу украсить Москву. Поэтому у истоков Москвы стоят два великих человека: Иван Калита и митрополит Пётр.

Д. Володихин

— Может быть, ещё и Даниил Московский? — третий, так сказать.

Н. Борисов

— Но тут можно спорить, да. Я думаю, что всё-таки Даниил был немножко мельче горизонтом, скажем так. Так что, вот эти два великих человека достойны друг друга, одного масштаба люди: стратегическое мышление и, конечно, патриотизм их, готовность защи-

щать русскую землю, беспокойство относительно её будущего — всё это воедино было в возникновении московского государства.

Д. Володихин

— Я вот хотел бы предложить на обсуждение другую тему, связанную с этой, связанную с освящением Успенского храма, — это совершенно особенное отношение к Пречистой Богородице. Не напрасно главный храм московской земли, а впоследствии, на будущее, на перспективу, так сказать, уже, главный храм всей России был освящён во имя Пречистой. Но это мы обсудим после того, как в эфире прозвучит знаменный распев «О Тебе радуется», посвящённый Пречистой Богородице, исполнит его хор «Древнерусский распев».

(Звучит распев.)

Д. Володихин

— Дорогие радиослушатели, это светлое радио — радио «Вера». В эфире передача «Исторический час». С вами в студии я — Дмитрий Володихин. И у нас в гостях известный историк Николай Сергеевич Борисов — автор целого ряда книг в серии «Жизнь замечательных людей», в частности и книги, посвящённой Ивану Калите. Судьбу этого крупнейшего политика Руси четырнадцатого столетия мы сегодня обсуждаем. И причудливо перекрещивается, смешивается, связывается стратегическое мышление Ивана Даниловича и его прочная вера в этом развитии, в этом росте Московского государства в четырнадцатом столетии. И вот здесь я возвращаюсь к той идее, о которой мы уже начали говорить до того, как прозвучал распев «О Тебе радуется». Москва освящена совершенно особенным отблеском культа Пречистой — это очень древняя традиция и никогда никто из князей не выбирал освящение главного храма своей земли просто так, безо всякой задней мысли, не размышляя о том, почему именно это освящение, почему оно соответствует земле. Что это была за идея и почему Иван Калита решился сделать именно так?

Н. Борисов

— На самом деле это очень древняя идея о том, что Русская земля находится под особым покровительством Божией Матери. Ещё в домонгольской Руси, ещё во времена постройки собора Киево-Печерского монастыря, посвящённого Успению Богоматери, родилась вот эта идея, которая была украшена всевозможными мифами, легендами, сюжетами из житийной литературы, из Патерика. Одним словом, Русь под покровительством Божией Матери — это идея Киевской Руси. Но потом эта идея переходит во Владимирскую Русь: главный храм Великого княжения Владимирского — Успенский собор, собор Успения Божией Матери. Вот средоточием культа Божией Матери был именно праздник Успения. По многим причинам сложилось так, что Успение — это главный праздник, когда отдаётся должное Божией Матери. И таким образом вот эта традиция Успенских соборов как главных соборов в городе переходит и к Москве, то есть когда Иван Данилович решил строить первый каменный храм в 1326 году, то этот каменный храм он решил посвятить Успению Божией Матери, то есть как бы продолжается традиция, идущая из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Москва становится как бы третьим престолом Богородицы в Русской земле. И вот с этого времени особое почитание Божией Матери проходит через всю историю Московской Руси. И иногда это было связано с какими-то конкретными событиями, например, Куликовская битва, которая была в праздник Рождества Божией Матери, иногда это была традиция, но, во всяком случае, это такое вот москов-

ское знамя: особое почитание Божией Матери, строительство храмов в честь Божией Матери — это родилось во времена Калиты.

Д. Володихин

— Ну что ж, я думаю, сейчас нам придётся спуститься с горних высей к низинам хозяйственным и даже, может быть, связанным с политическими интригами. А именно поговорить о том, а откуда, собственно Иван Калита, в условиях достаточно тяжёлого экономического быта Руси, несколько раз разорённой татарскими ратями, добыл для Москвы возможность чтобы осуществить эту грандиозную программу строительства каменных храмов?

Н. Борисов

— Да, это один из самых сложных вопросов нашей ранней истории, истории ранней Москвы — это вопрос такой прозаический: откуда деньги? Действительно, Иван Калита позволял себе такие вещи, как, например, покупку целых княжеств. Вот есть в духовных грамотах, в завещаниях московских князей такая информация, что он купил в Орде Углич, Галич и Белоозеро, то есть княжества, не только города, которые перешли под власть Москвы. Но купил, значит, у него были средства. Он построил эти каменные храмы, но это тоже дорогое дело, потому что их надо было не только построить, но и украсить всевозможными изделиями, книгами и прочее. Так вот, откуда? И вот здесь мы разводим руками, потому что источники того времени фрагментарны. До нас дошли буквально крохи информации о том, как решались вот такие практические вопросы. Ещё политическая история лучше известна, потому что какие-то походы, сражения — это то, что летописец фиксировал. А вот писать об экономике, как мы сейчас бы сказали, летописец считал, что это не его дело, так сказать.

Д. Володихин

— «Ну не бухгалтер я, не бухгалтер!»

Н. Борисов

— Да, совершенно верно! Это как-то не имеет отношения к истории.

Д. Володихин

— К высокой истории.

Н. Борисов

— К высокой истории. Но тем не менее историки — народ такой назойливый, они копаются, копаются в источниках, выстраивают какие-то свои схемы, предположения — у них работа такая. Так вот, одна из наиболее вероятных идей по вот этому финансовому вопросу состоит в том, что... как бы вам сказать? Где в то время можно было добыть денег? — вот так поставим вопрос. Денег можно было добыть в Новгороде. Новгород был как бы банк всея Руси, потому что Новгород вёл транзитную торговлю, Новгород имел огромные ресурсы мягкого золота на Севере — пушнины. И Иван Калита, с одной стороны, с самого города брал большие деньги за безопасность: за то, что он как великий князь Владимирский обеспечивал Новгороду безопасность и со стороны Орды и со стороны западных соседей.

Д. Володихин

— И со стороны Литвы в какой-то степени, наверное.

Н. Борисов

— И со стороны Литвы, и со стороны Ордена, да, там врагов хватало. Москва брала на себя защиту, естественно, за это она получала определённые деньги. Но кроме того, видите, есть сведения о том, что Иван Данилович очень энергично проникает на Русский Север. Вот Русский Север, который в целом находился под контролем Новгорода, имел большие запасы пушнины — мягкого золота, чем всегда Русь славилась на мировых рынках.

Д. Володихин

— Я так понимаю, Иван Калита в обход новгородских властей, так сказать, по флангу на северо-восток двигался.

Н. Борисов

— Совершенно верно, да. Отталкиваясь от Великого Устюга, он по Сухони туда выходил. Подробности мы не знаем опять-таки, но то, что он этим интересовался — об этом есть свидетельства в источниках. И, видимо, это был человек, который умел очень жёстко добиваться своих целей: добиваться сбора дани, добиваться того, чтобы другие князья платили. Его боялись, многие ненавидели, как обычно: сильный правитель вызывает у людей противоречивые чувства. Так что я повторяю, что догадки у нас есть на этот счёт, но какого-то убедительного, такого полного ответа, откуда Калита брал деньги для своих «проектов», историки пока дать не могут.

Д. Володихин

— Вот Иван Калита правил единолично уже, без брата, Москвой, а впоследствии и всей Северо-Восточной Русью в течение 15 лет. Он строил храмы, строил крепость, продвигался на север, покупал княжества, но тем не менее видно ли какие-то великие шаги на политическом театре того времени? Приходилось ли ему с кем-нибудь сражаться, отстаивать какие-нибудь интересы? Как стратег чем он проявил себя в этот период?

Н. Борисов

— Вы знаете, есть очень интересное свидетельство современника об Иване Калите, о том, как его воспринимали люди того времени. Я имею в виду знаменитую приписку к Сийскому Евангелию. Есть такая древнерусская рукопись Сийское Евангелие, найденное в Антониево-Сийском монастыре на Русском Севере. Так вот, эта рукопись, это Евангелие, которое послано было на Двину из Москвы, и там на последней странице два переписчика, которые переписывали это Евангелие — Мелентий и Прокоша, — они от себя уже лично написали некое такое рассуждение о князе Иване Даниловиче Калите. Это был конец его жизни — 1340 год. И он, видимо, в это время уже перед смертью постригся в монахи, потому что о нём говорится не совсем как об умершем, но уже и не как о действующем — такая немножко интонация своеобразная. Так вот, эта приписка — это, я повторяю, оценка Калиты современниками. И там они говорят буквально следующее: «В последние времена, в опустевшей земле», — какой образ! — действительно, Русь опустела от всех этих бедствий. «В последние времена», то есть приближается конец света,

напряжение религиозное очень сильное, действительно думали, что вот-вот все пойдут на Страшный Суд. «В последние времена в опустевшей земле встанет царь, любящий правду и суд не по мзде судящий, не в поношение поганым странам, но судит по правде, якоже Константин Великий судил». То есть вот образ царя в опустевшей земле — такой трагический образ и в то же время сильный. Таким царём последних времён в опустевшей земле был Иван Данилович Калита.

Д. Володихин

— То есть, иными словами, он не прославил себя как завоеватель или, скажем, как защитник того же Новгорода, он, скорее, прославил себя как судья и правитель, который добивается мира, покоя, порядка.

Н. Борисов

— Совершенно верно, в отличие от старшего брата, от Юрия, Иван не был бойцом, хотя бывали ситуации, когда он очень неплохо себя показал, скажем, при защите Переславля в 1304 году, когда тверичи неожиданным набегом хотели захватить Переславль, а он сидел там наместником брата, и он их отбил. Но в целом это человек мира, это созидатель, это человек, который понимает, что бесконечная борьба никому не нужна, она приведёт к гибели всех. Это созидатель — человек, который создаёт новые законы. У нас есть тоже такие намёки, что при нём были созданы некие новые судебники. То есть это тот человек, который нужен был Руси. Вот опираясь на таких созидателей, прежде всего Русь и поднималась.

Д. Володихин

— Можем ли мы сказать, что было определённое наследие Ивана Калиты, которое впоследствии Русь положила в фундамент и своего освобождения, и своего усиления: военного, хозяйственного, культурного?

Н. Борисов

— Я думаю, что это очень интересный вопрос. Конечно, наследие существовало, и мы должны понимать, что политика в те времена — это вообще штука наследственная, то есть от отца к сыну. Не было никаких учебников, никаких университетов, но любое ремесло, в том числе ремесло политика, полководца передавалось от отца к сыну. И отец говорил сыну, что вот делай как я, и тогда у тебя всё будет нормально. И с наследием Ивана Калиты была интересная особенность, его сыновья: Семён Гордый, Иван Красный, Андрей Серпуховской, они чётко шли по той же колее, по которой шёл Иван Данилович.

Д. Володихин

— Научил отец.

Н. Борисов

— Научил, совершенно верно, и заставил их помнить вот эти заветы. Но дальше происходит обрыв этой традиции, и на историческую сцену выходит совершенно другой — Дмитрий Донской.

Д. Володихин

— Не похожий ни в малой мере на Ивана Калиту, скорее, даже противоположный по характеру.

Н. Борисов

— Абсолютно. Почему? Потому что Дмитрий был безотцовщина — он вырос без отца, его никто не воспитывал фактически. И поэтому это был человек, способный уже по-другому посмотреть на мир, у него не было такой установки чёткой в голове, что вот делай так, он делал по-другому. Он начинает войну с Ордой вопреки заветам Калиты, завет Калиты: не ссорится с Ордой — прежде всего тишина великая. А Дмитрий нарушает эту тишину: один, другой, третий раз нарушает, ведёт такую азартную, рискованную политическую игру. Выигрывает Куликовскую битву, но через два года проваливается в такую яму, что возникает вопрос: какой же всё-таки итог? Но так или иначе вот эта традиция Калиты обвалилась уже после ухода со сцены его сыновей.

Д. Володихин

— Во всяком случае, с такими сыновьями отец мог быть счастлив: ему было кому передать дело и, видимо, он был уверен в своей семье, что она удержит Московскую Русь.

Н. Борисов

— Безусловно. Он был семейный человек, сохранились две редакции завещаний Ивана Калиты, которые показывают, как он тщательно думает о том, что будет после него, как он думает, кому из сыновей что оставить. Это был действительно человек, который мог полагаться на свою семью.

Д. Володихин

— Ну что же, я думаю, будет правильным, если сейчас, опуская занавес над историей судьбы этого человека, мы поблагодарим его. Это был правитель — справедливый судья, это был правитель — созидатель, это был правитель, который строил, а не разрушал. Это был правитель, который подготовил восстание Руси от ничтожества к высотам Духа и к высотам политической мощи. Поэтому сейчас, я думаю, при всей неоднозначности и противоречивости правления этого человека, его личности, тем не менее всё-таки он оставил для нас, потомков, светлый отзвук своего правления, скорее, всё-таки светлый отзвук своего правления. Сейчас мне остаётся поблагодарить Николая Сергеевича Борисова за эту замечательную беседу и сказать вам, дорогие радиослушатели: благодарю вас за внимание, до свидания!

Источник - <https://radiovera.ru/knyaz-ivan-kaleta-istoricheskiy-chas-s-dmitriem-volodihinyim-gost-programmy-borisov-nikolay-17-06-2018.html>